

зи и пролетариата, въ силу достаточныхъ историческихъ оснований осуществившимся подъ флагомъ социалдемократіи, а не подъ ярлыкомъ какой-нибудь „якобинской“ партіи.

Но ничто не можетъ помѣшать мнѣ посмотреть на то же явление съ третьей точки зрѣнія и, принявъ во вниманіе дальнѣйшія судьбы классоваго движенія пролетариата, сказать, что я имѣю передъ собой: раствореніе классовой борьбы пролетариата въ безформенномъ движеніи „демократіи“.

Остается поставить только одинъ вопросъ: исторія „бѣдной русской мысли“, столько уже шутокъ продѣлавшая надъ нами, не собирается ли „вытряхнуть изъ своего рукава“ подлинную революціонно-демократическую партію въ видѣ той самой „социалдемократіи“, которая возьметъ въ свои руки власть въ моментъ паденія самодержавія?

На этомъ можно и покончить съ вопросомъ о цѣли выступленія. Другой затронутый въ письмѣ товарищемъ Т. вопросъ о томъ, какъ „организовать“ и какъ „развязать“ революцію, потребуетъ особой статьи. Въ ней мы покажемъ, какъ неправильное освѣщеніе вопроса о непосредственной цѣли борьбы ведетъ къ неправильной постановкѣ вопроса о революціонной тактикѣ.

Л. Мартовъ.

Къ вопросу о захватѣ власти.

(Небольшая историческая справка).

(5 апрѣля 1905 г., № 96).

Товарищъ С. обратился ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ спрашиваетъ: что я думаю о захватѣ власти пролетариатомъ? Я собирался было отвѣтить ему тоже письмомъ, но послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ, что изъ моего отвѣта можно сдѣлать статью, не лишенную общаго интереса, такъ какъ вопросъ, затронутый товарищемъ С., все еще не исчерпанъ въ нашей партійной литературѣ.

Политическая власть представляетъ собою ничѣмъ незамѣнимое

орудіе коренного переустройства производственныхъ отношеній. Поэтому всякій данный классъ, стремящійся къ социальной революціи, естественно старается овладѣть политической властью. Пролетаріатъ не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Чтобы устранить капиталистическія отношенія производства, осуждающія его на тяжелую зависимость по отношенію къ классу предпринимателей, ему безусловно необходимо добиться политической власти. Другими словами: диктатура пролетариата должна быть первымъ актомъ социалистической революціи. Это оспариваютъ,—и, конечно, не могутъ не оспаривать,—гг. Бернштейны. Но это совершенно неоспоримо съ точки зрѣнія социалдемократа, вѣрнаго революціонному духу своей программы.

Слѣдовательно, объ этомъ распространяться излишне.

Но совсѣмъ въ другомъ, и въ гораздо менѣе ясномъ, свѣтѣ представляется дѣло, когда рѣчь заходитъ не о торжествѣ социализма надъ капитализмомъ, а о той буржуазной революціи, которую, кажется, намъ предстоитъ пережить въ самомъ ближайшемъ будущемъ, и которая впервые создастъ въ Россіи совокупность условий, необходимыхъ для социалистической революціи. Въ этой буржуазной революціи пролетариату тоже суждено сыграть рѣшающую роль, и вслѣдствіе этого могутъ показаться странными взгляды тѣхъ людей, которые, всѣми силами поддерживая революціонныя стремленія пролетариата, вмѣстѣ съ тѣмъ не одобряютъ тактики, направляемой къ захвату имъ политической власти. Противники такихъ людей могутъ, повидимому, не безъ основанія обвинять ихъ въ непослѣдовательности, въ оппортунизмѣ и прочихъ грѣхахъ, не менѣе тяжкихъ. И не только могутъ обвинять, но уже обвиняютъ: достаточно напомнить статьи, печатающіяся во „Впередѣ“ и направленные противъ „Искры“.

Кто же правъ? Давайте разбираться.

Наша партія стоитъ на точкѣ зрѣнія марксизма. Посмотримъ же, не приходилось ли самому Марксу высказаться о той тактикѣ, которой долженъ держаться революціонный пролетариатъ въ историческіе моменты, подобные переживаемому нами.

Въ началѣ 1850 года, несмотря на повсемѣстное и почти полное торжество „партіи порядка“ въ Западной Европѣ, Марксъ и его послѣдователи не только не считали дѣло революціи окончательно проиграннымъ, но, напротивъ, ждали новаго револю-

ціоннаго взрива въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы. Въ ожиданіи этого взрива Центральный Совѣтъ знаменитаго Союза Коммунистовъ разослалъ своимъ германскимъ членамъ „Обращеніе“ (Ansprache), въ которомъ онъ излагалъ имъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ и на опредѣляемые этимъ положеніемъ политическія задачи пролетаріата. „Обращеніе“ было написано Марксомъ, состоявшимъ тогда въ Центральномъ Совѣтѣ Союза, и даетъ очень цѣнный матеріалъ для задуманной нами исторической справки. Полезно будетъ, поэтому, изложить здѣсь его содержаніе.

И прежде всего надо отмѣтить слѣдующее любопытное обстоятельство.

Авторъ передовой статьи № 14 „Впередъ“ рѣшительно заявляетъ: „Нужно по—истинѣ школьническое понятіе объ исторіи, чтобы представлять себѣ дѣло безъ „скачковъ“, въ видѣ какой то медленно и равномерно восходящей прямой линіи: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазіей—уступочки самодержавія,—потомъ за революціонной мелкой буржуазіей—демократическая республика, наконецъ, за пролетаріатомъ—соціалистическій переворотъ. Эта картина вѣрна въ общемъ и цѣломъ, вѣрна на „долгомъ“, какъ говорятъ французы, на какомъ—нибудь протяженіи столѣтія (напр. для Франціи съ 1789 по 1905 годъ), но составлять себѣ по этой картинѣ планъ собственной дѣятельности въ революціонную эпоху,—для этого надо быть виртуозомъ—филистерства“.

Марксъ былъ именно такимъ „виртуозомъ филистерства“ и имѣлъ именно такое „школьническое понятіе объ исторіи“. Написанное имъ „Обращеніе“¹⁾ указываетъ на то, что движеніе 1848—49 гг. поставило у власти либеральную крупную буржуазію, которая, воспользовавшись революціонной энергіей рабочихъ для низверженія стараго порядка вещей, обратилась противъ пролетаріата тотчасъ же послѣ того, какъ получила нѣкоторыя уступки („уступочки“, по терминологіи публициста газеты „Впередъ“), и теперь готова соединиться съ феодальной партіей для борьбы съ новыми революціонными попытками. Но дальнѣйшее развитіе будетъ лишено того мирнаго характера, который хотѣла бы сообщить ему крупная буржуазія: теперь

¹⁾ Напоминаемъ, что оно было написано именно въ „революціонную эпоху“.

быстро приближается новая революція, во время которой демократическая мелкая буржуазія выступитъ въ той же роли по отношенію къ народу, какую играли либералы въ 1848 г.

Эта мелкая буржуазія называетъ теперь себя республиканской или крайней и представляетъ собой значительную общественно политическую силу. Къ ней принадлежит не только большинство буржуазныхъ обитателей большихъ городовъ,—т. е. не только большинство мелкихъ предпринимателей, купцовъ и ремесленниковъ,—но также крестьяне и сельскіе пролетаріи, поскольку эти послѣдніе еще не примкнули къ выступающему самостоятельно городскому пролетаріату. Далекіе отъ всякихъ стремленій къ коренному переустройству общества въ интересахъ революціоннаго пролетаріата, мелкие буржуа хотѣли бы лишь такъ перестроить существующее общество, чтобы имъ жилось въ немъ сносно и удобно. Прежде всего они требуютъ сокращенія государственныхъ расходовъ путемъ уменьшенія бюрократіи и переложенія главной тяжести налоговъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и буржуа. Они требуютъ, далѣе, устраненія того гнета, который испытываетъ мелкій капиталъ со стороны крупнаго, и хотя бы достигъ этого посредствомъ законовъ, направленныхъ противъ ростовщичества, и посредствомъ общественныхъ кредитныхъ учреждений, которыя дали бы возможность мелкимъ буржуа и крестьянамъ получать отъ государства ссуды на необременительныхъ условіяхъ. Кромѣ того, имъ хочется утвердить въ деревнѣ господство буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и совершенно устранить отсюда всѣ остатки феодализма. Для того, чтобы ослабить господство капитала и задержать его накопленіе, они предлагаютъ ограничить право наследства, а для улучшенія быта рабочихъ,—которые должны, какъ и теперь, работать по найму,—они рекомендуютъ передачу возможно большей части работъ въ вѣдѣніе государства и лучшую организацію общественной благотворительности. Для проведенія всѣхъ этихъ мѣропріятій имъ нужно демократическое государственное устройство,—съ ограниченной монархіей или республикой,—и демократическая организація общинаго самоуправленія.

Марксъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что мелкобуржуазная демократія въ дальнѣйшемъ развитіи германской революціи приобрѣтетъ на время преобладающее вліяніе, смѣнивъ собою уже добившуюся господства крупную буржуазію. И это нисколько не удивляетъ насъ послѣ того, какъ мы узнали, что онъ былъ вирту-

озомъ филистерства и имѣлъ школьническое понятіе объ исторіи. Но какъ же должна была, по мнѣнію этого виртуоза филистерства, относиться партія революціоннаго пролетаріата къ мелко-буржуазной демократической партіи?

Въ „Обращеніи“ этотъ вопросъ подраздѣляется на три слѣдующихъ вопроса:

1) Какъ надо относиться къ ней при существующемъ порядкѣ вещей, который угнетаетъ также и мелкую буржуазію?

2) Какъ надо относиться къ ней во время предстоящей революціи, которая доставитъ ей преобладаніе?

3) Какъ надо относиться къ ней послѣ этой революціи?

На первый изъ этихъ вопросовъ Марксъ отвѣчаетъ, что въ настоящее время, когда мелко-буржуазная демократія повсюду чувствуетъ себя угнетенной, она проповѣдуетъ пролетаріату примиреніе и объединеніе, приглашая его создать вмѣстѣ съ ней одну большую оппозиціонную партію, въ которой сольются всѣ отдѣльные отгѣнки. По замѣчанію нашего „филистера“, это означаетъ, что мелкіе буржуа стремятся завлечь пролетаріатъ въ политическую организацію, въ которой его отдѣльныя классовыя требованія будутъ, въ интересахъ мира, преданы забвенію. Такое объединеніе,—говоритъ онъ,—принесло бы пользу однимъ демократамъ и очень сильно повредило бы пролетаріату. Пролетаріатъ утратилъ бы свое самостоятельное положеніе, приобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ, и снова превратился бы въ простой придатокъ къ официальной буржуазной демократіи. Вотъ почему коммунисты должны рѣшительно воспротивиться такому объединенію. Временное сочетаніе усилій для непосредственной борьбы съ общимъ врагомъ, конечно, необходимо, но ради него нѣтъ надобности объединяться съ демократами.

Словомъ, тутъ у Маркса выходитъ, что хотя надо бить вмѣстѣ, но тѣмъ не менѣе необходимо идти врозь.

Отвѣтъ на второй вопросъ состоитъ въ томъ, что правительства, въ предстоящихъ кровавыхъ столкновеніяхъ, будутъ побѣждены, какъ и прежде, главнымъ образомъ, благодаря мужеству, рѣшительности и самоотверженности рабочихъ, и, по прежнему, демократы, въ своемъ большинствѣ, будутъ долго оставаться нерѣшительными и не-дѣтельными, чтобы затѣмъ, когда побѣда будетъ уже вырвана изъ рукъ непріятели, обратить ее въ свою пользу. Помѣшать этому рабочіе еще не въ состояніи; но они могутъ продиктовать мелкой буржуазіи такія условія, благодаря

которымъ значительно облегчится будущая замѣна господства буржуазной демократіи господствомъ пролетаріата. Рабочіе,—т. е. сознательные пролетаріи,—должны позаботиться о томъ, чтобы революціонное возстаніе массъ не улеглось тотчасъ же послѣ побѣды; рядомъ съ требованіями буржуазной демократіи рабочіе должны также при каждомъ удобномъ случаѣ выставлять свои собственныя классовыя требованія и добиваться,—если это будетъ нужно, даже силой,—чтобы новое правительство гарантировало имъ исполненіе этихъ требованій. Короче, они должны,—какъ выразилась бы „новая“ „Искра“—возможно больше развязать революцію. Но эта задача развязанія революціи нисколько не исключаетъ, въ глазахъ нашего автора, задачи организаціи силъ ея главнаго фактора—пролетаріата. Пролетаріатъ долженъ быть организованъ и вооруженъ, иначе онъ не въ состояніи будетъ противиться буржуазной демократіи, которая измѣнитъ ему немедленно послѣ низверженія существующаго порядка.

Переходя къ отвѣту, даваемому Марксомъ на третій и послѣдній изъ поставленныхъ имъ вопросовъ, т. е. на вопросъ объ отношеніи пролетаріата къ мелко-буржуазной демократіи послѣ побѣды, мы прежде всего укажемъ на тотъ фактъ, что основатель научнаго социализма, какъ видно, не допускалъ даже и мысли о томъ, что политическіе представители революціоннаго пролетаріата могутъ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи трудиться надъ созданіемъ новаго общественнаго строя. Совершенно наоборотъ: послѣ побѣды надъ крупной буржуазіей и захвата власти мелко-буржуазными демократами, рабочіе должны были, по плану Маркса, сложиться въ сильную оппозиціонную партію, которая своей критикой и своей агитаціей толкала бы впередъ мелко-буржуазное правительство, а главное—все болѣе и болѣе развивала бы революціонное самосознаніе представляемаго ею класса. Конечно, говоритъ Марксъ, рабочіе сначала не въ состояніи будутъ выставлять чисто коммунистическія требованія. Но уже съ самаго начала они будутъ имѣть возможность:

1) Принудить демократовъ къ революціонному вмѣшательству въ существующія общественныя отношенія;

2) Толкать впередъ демократовъ, склоняющихся только къ социальной реформѣ, а не къ социальной революціи, и вкладывать болѣе крайнее содержаніе въ предлагаемыя ими мѣропріятія. Такъ, напримѣръ, если демократы предлагаютъ выкупить желѣзныя дороги и фабрики, то пролетаріатъ долженъ требовать,

чтобы эти фабрики и дороги были конфискованы в качестве имущества реакционеров; если демократы потребуют введения подоходного налога, то пролетариат должен требовать введения прогрессивного подоходного налога, и т. п.

Нѣмецкіе рабочіе, говорилъ Марксъ въ заключеніе, не могутъ непосредственно достигнуть господства: но они могутъ и должны стараться приблизить свою окончательную побѣду, выясняя себѣ свои классовые интересы, не позволяя сбить себя съ толку фразеологіей мелкобуржуазной демократіи и выступая въ качествѣ отдѣльной, независимой партіи. Ихъ лозунгомъ должна быть непрерывная революція.

Такъ говорилъ Марксъ въ ожиданіи мелко-буржуазнаго переворота. Его „Обращеніе“ еще недавно удостоилось самаго рѣзкаго отзыва со стороны г. Бернштейна (см. пресловутую книжонку этого послѣдняго). И, дѣйствительно, оно до такой степени пропитано непримиримымъ революціоннымъ духомъ, что одно чтеніе его должно бросать въ лихорадку всякаго благомыслящаго мелкаго буржуа. Но намъ нѣтъ дѣла до мелко-буржуазныхъ политиковъ. Намъ важно здѣсь то, что это архиреволюціонное „Обращеніе“ предлагаетъ какъ разъ ту тактику, которую рекомендуетъ теперь русскимъ товарищамъ „Искра“ и которую „Впередъ“ осуждаетъ, какъ жалкое измышленіе жалкихъ филистеровъ. Согласитесь, читатель, что мы съ вами сдѣлали очень интересное открытіе, и что ради одного этого открытія стоило и давно слѣдовало сдѣлать предпринятую нами историческую справку.

И замѣтите при этомъ, что вы очень ошибаетесь, если хоть на минуту предположите, будто мы считаемъ, что наша справка окончательно исчерпываетъ вопросъ. Отнюдь нѣтъ! Мы никогда не думали, что мы во всемъ должны слѣдно слѣдовать примѣру Маркса. Марксъ могъ ошибаться, и тотъ изъ насъ, кто замѣтитъ его ошибку, обязанъ обнаружить ее передъ товарищами. Только недобросовѣстные или глухие люди рѣшались утверждать, что „ортодоксальные“ марксисты не допускаютъ никакой критики своего учителя. Нѣтъ, „ортодоксы“ возмущаются только такою будто бы критикой Маркса, которая,—подобно критикѣ, практикуемой г. Бернштейномъ и неокантіанцами и сторонниками Маха и Авенаріуса,—представляетъ собою лишь совершенно некритическое повтореніе буржуазныхъ нападокъ на основу современнаго научнаго социализма. Такая „критика“ въ самомъ дѣлѣ глубоко возмущаетъ насъ. А кто сдѣлаетъ серьезное возраженіе

противъ Маркса, тотъ можетъ быть увѣренъ, что мы выслушаемъ его съ самымъ серьезнымъ и самымъ спокойнымъ вниманіемъ. Но кто критикуетъ Маркса, тотъ такъ и говорить долженъ: „съ Марксомъ я тамъ-то и тамъ-то не согласенъ“. Кто критикуетъ Маркса, тотъ и выступать долженъ во имя критики, не во имя „ортодоксіи“.

Если наши противники находятъ, что тактика, отстаиваемая „Искрой“, неправильна, то имъ такъ и говорить надо: „хотя эта тактика вполне согласна съ той, которую защищали въ свое время Марксъ, но она всетаки ошибочна“. Далѣе, разумѣется, должны слѣдовать доказательства. Но наши противники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они самихъ себя выдаютъ за вѣрныхъ послѣдователей Маркса, а „Искру“ объявляютъ органомъ оппортунистовъ и филистеровъ, неспособныхъ усвоить истинный смыслъ Марксова ученія. При этомъ доказательства ихъ органичиваются (см. многочисленныя статьи во „Впередъ“) нѣсколькими безпрестанно повторяемыми словечками, которыя, по мнѣнію лицъ, пускающихъ ихъ въ ходъ, очень хлестки, но въ дѣйствительности производятъ впечатлѣніе сердитаго безсилія именно потому, что безпрестанно повторяются вмѣсто серьезныхъ доводовъ.

Прибавлю кстати, что критика взглядовъ, заключающихся въ изложенномъ здѣсь „Обращеніи“, была сдѣлана двумя очень компетентными въ марксизмѣ лицами, именно—самимъ Марксомъ и Энгельсомъ.

„Обращеніе“ написано было,—какъ сказано выше,—въ ожиданіи новаго революціоннаго взрыва въ передовыхъ странахъ Европы. Но очень скоро—въ томъ же 1850 году—Марксъ увидѣлъ, что такое ожиданіе было неосновательно, и тогда онъ немедленно заявилъ объ этомъ въ своемъ журналѣ, выходившемъ въ Гамбургѣ въ 1850 г. и называвшемся также, какъ и знаменитая газета 1848—49 гг. „Neue Rheinische Zeitung“.

Но въ 1850 году Марксъ призналъ ошибочнымъ только свое ожиданіе новаго взрыва, а тѣ задачи, которыя онъ ставилъ передъ рабочимъ классомъ Германіи, онъ не пересталъ тогда считать вполне правильно сформулированными, и если бы у него въ скоромъ времени опять возникла увѣренность въ томъ, что въ Европѣ близка мелко-буржуазная революція, то онъ поставилъ бы эти задачи въ прежней ихъ формулировкѣ. Лишь долго спустя, онъ убѣдился, что въ ту эпоху, къ которой относится его „Обращеніе“, капитализмъ представлялся ему значительно болѣе отжившимъ и

одряхлѣшимъ способомъ производства, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Эта переменна взгляда отмѣчена въ знаменитомъ предисловіи Энгельса къ Марксовой книгѣ: „Die Klassekämpfe in Frankreich“. И въ виду этой перемены могутъ предположить, пожалуй, что впоследствии сами Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы той тактики, которую они предлагали германскимъ коммунистамъ. И намъ скажутъ, можетъ быть: зачѣмъ же вы хотите поступать, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ поступали бы иначе?

На это мы отвѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы своей тактики 1850 года только съ той ея стороны, которая обуславливалась ихъ тогдашнимъ убѣжденіемъ въ дряхлости капитализма, а слѣдовательно и въ совершенной близости социалистической революціи, для которой мелко-буржуазный переворотъ долженъ былъ послужить только прологомъ. Именно это убѣжденіе и продиктовало имъ выставленный ими лозунгъ непрерывная революція. Впоследствии, когда социалистическая революція перестала казаться имъ совсѣмъ близкой, они, даже въ ожиданіи мелко-буржуазной революціи, уже не сказали бы: „нашъ лозунгъ— Revolution in Permanenz, такъ какъ они видѣли бы, что отсутствуютъ объективныя (а слѣдовательно, и субъективныя, т. е. психологическія) условія „непрерывной революціи“. Политическія задачи пролетаріата были бы опредѣлены ими уже въ томъ предположеніи, что демократическій строй останется господствующимъ въ теченіе довольно продолжительнаго періода. Но именно потому они еще рѣшительнѣе осудили бы участіе социалистовъ въ мелко-буржуазномъ правительствѣ. Иначе сказать, они тѣмъ яснѣе показали бы себя ненавистными газетѣ „Впередъ“ виртуозами филистерства.

— Толкуйте!—воскликнетъ иной читатель,—это одни ваши предположенія, и вы ничѣмъ не докажете, что они правильны.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, возразимъ мы: у насъ есть неотразимое доказательство, заключающееся въ письмѣ Энгельса къ Турати, написанномъ не далѣе какъ въ 1894 году.

Въ этомъ году на всемъ итальянскомъ полуостровѣ было чрезвычайно сильно неудовольствіе противъ реакціонной политики правительства, и революція становилась довольно вѣроятной. Въ виду этого революціоннаго положенія дѣлъ и написано было только что упомянутое нами письмо.

Въ немъ старшій теоретикъ международнаго социализма обращаетъ вниманіе Турати на то обстоятельство, что на нынѣшней ступени экономическаго развитія Италіи ожидаемая революція „не можетъ быть социалистической и будетъ мелко буржуазной“¹⁾. До побѣды пролетаріатъ долженъ выступать противъ существующаго порядка рядомъ съ мелкой буржуазіей, но непременно въ видѣ отдѣльной партіи („врозь идти, вмѣстѣ бить“, говоримъ мы теперь). А послѣ побѣды было бы чрезвычайно опасно („questo é il pericolo piu grand“, говоритъ Энгельсъ), если бы социалисты вошли въ новое правительство. Этимъ они повторили бы ошибку, сдѣланную въ 1848 году Луи Бланомъ и другими французскими социалистами. Участвуя въ новомъ,— демократическомъ,— правительствѣ, итальянскіе социалисты приняли бы на себя отвѣтственность за всѣ ошибки и за всѣ измѣны этого правительства по отношенію къ рабочему классу, а въ то же самое время революціонная энергія этого класса парализовалась бы тѣмъ же самымъ фактомъ участія социалистовъ въ правительствѣ.

Этотъ совѣтъ итальянскимъ товарищамъ подкрѣпляется въ письмѣ общими тактическими соображеніями, правильность которыхъ доказана была, по словамъ Энгельса, опытомъ всей его жизни. „Они еще ни разу (non una volta) не ввели меня въ ошибку“,—говоритъ авторъ письма.

Итакъ, участвовать въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи значитъ измѣнять пролетаріату. Вотъ что говоритъ намъ наша справка. А изъ этого слѣдуетъ, что, съ точки зрѣнія марксизма, не „Искра“ а „Впередъ“ проповѣдуетъ оппортунизмъ—и при томъ самый худшій, самый вредный оппортунизмъ.

Нѣтъ, господа, вы можете рисовать какія вамъ угодно каррикатуры и сколько вамъ угодно повторять ваши будто бы хлесткія, а на самомъ дѣлѣ избитыя словечки. Но правда остается правдой: Марксъ и Энгельсъ осудили бы тактику „Впередъ“ и одобрили бы тактику „Искры“. И если вамъ хочется доказать несостоятельность этой послѣдней, то вамъ не миновать критики Маркса. Приступайте же, гг. „впередовцы“, къ вашимъ критическимъ упражненіямъ. Мы выслушаемъ васъ со всѣмъ

¹⁾ Энгельсъ, какъ видно, до глубокой старости остался „виртуозомъ филистерства“ и сохранилъ свой „школьническій“ взглядъ на исторію.

тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ интересующій насъ важный спорный вопросъ. Начинаяте, „благословясь“, и да помогутъ вамъ всевозможные Махи и Авенариусы! Не забывайте, что труденъ только первый шагъ; а вашъ первый шагъ, по своей огромности, былъ достоинъ Вольтеровскаго Макромегаса: вы доказали, что основатели матеріалистическаго объясненія исторіи были школьниками и виртуозами филистерства въ своихъ историческихъ взглядахъ. Идите дальше: смѣлымъ Богъ владѣтъ!

Заканчивая эту справку, я опять позволю себѣ обратиться къ товарищу С. и выразить ему ту надежду, что теперь ему уже ясно, какъ смотрю я на вопросъ о захватѣ власти: я рѣшительно не ощущаю потребности критиковать въ этомъ отношеніи Маркса.

Г. Плехановъ.

Революціонныя перспективы.

(3-го марта 1905 года, № 90).

I.

„Движеніе всемірнаго духа принимаетъ въ разныя времена разныя формы... Иногда онъ покидаетъ поверхность исторической почвы и устремляется въ глубину, скрывающую отъ нашихъ глазъ его работу... Иногда онъ идетъ семимильными шагами, совершая множество самыхъ блестящихъ завоеваній, и, ничѣмъ не довольный, онъ уже нынѣ отрицаетъ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ вчера. Таковы эпохи великихъ историческихъ событій, умственныхъ и общественныхъ переворотовъ“¹⁾. Такова эпоха, наступившая у насъ въ Россіи—эпоха революціи.

Русская социалдемократія съ самаго начала предвидѣла неизбежность ея наступленія; она съ самаго начала предсказала ея социальный характеръ—это будетъ революція буржуазная; она

¹⁾ См. Г. Плехановъ, О задач. социал. въ борьбѣ съ голод. въ Россіи. 1892 г.

предсказала, кто будетъ ея главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—ее совершатъ рабочіе, или она вовсе не совершится; она намѣтила, наконецъ, роль, которую въ ней сыграетъ пролетаріатъ—вмѣсто слѣпago орудія, которымъ онъ служилъ въ прежнихъ революціяхъ, онъ въ русской революціи явится ея сознательнымъ двигателемъ; видя въ политической свободѣ не самодовлѣющую цѣль, а средство для своего социальнаго освобожденія, онъ не допуститъ подмѣны демократіи демократической фразой, онъ самое побѣду буржуазнаго общества надъ абсолютизмомъ превратитъ въ прологъ къ своей побѣдѣ надъ буржуазнымъ обществомъ.

Такова была настоящая революція въ обычномъ представленіи русской социалдемократіи. Но именно тогда, когда она изъ абстракціи превратилась въ осязательный фактъ, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей какъ будто перестали ее понимать и очутились въ положеніи евангельскихъ дѣвъ въ моментъ пришествія жениха. И это насъ особенно не удивляетъ. Нашъ прошлый политическій опытъ слишкомъ скуденъ по сравненію съ нашей соц.-демократической доктриной и, какъ бы ни были широки горизонты, которые она намъ открывала, привычки и навыки мысли, пріобрѣтенные въ атмосферѣ революціоннаго подполья, должны были сказаться въ минуту историческаго испытанія. Можно было ожидать, что однихъ яркія событія революціонной эпохи ослѣпятъ, другихъ не вразумятъ, потому что они слишкомъ уже пропитались духомъ заговорничества и кружковщины: ограниченные доктринеры, имѣющіе въ запасѣ на всѣ случаи жизни двѣ—три маленькія организационныя идейки, они твердили и твердятъ съ докучливой монотонностью маятника—надо прежде всего создать „штабъ спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей“. Прежде это было единственное средство для политической агитаціи, теперь это единственное средство для подготовки возстанія. И прежде, и теперь, для достиженія этой цѣли, слѣдовало бы начать съ расщепленія партіи на пожирающіе другъ друга кружки.

Насъ не удивляютъ подобныя рѣчи, но онѣ насъ убѣждаютъ, что намъ необходимо еще и еще разъ оцѣнивать и переоцѣнивать текущія событія съ точки зрѣнія нашихъ общихъ взглядовъ. Иначе мы рискуемъ, что нѣкоторые элементы социалдемократіи, вмѣсто того, чтобы овладѣть революціонной стихіей, потонутъ и растворятся въ ней безслѣдно.

* * *

9 января было началомъ русской революціи, говорили мы.—Въ